

DOI: 10.14258/tpai(2021)33(1).-09

УДК 903.27«653»(517)

ПЕТРОГЛИФЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. Н. Мухарева¹, Н. Н. Серегин²

¹Кемеровский государственный университет, г. Кемерово,
Российская Федерация

²Алтайский государственный университет, г. Барнаул,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4484-788X>, e-mail: mukhareva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, e-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Резюме: Статья посвящена истории изучения петроглифов раннего Средневековья на территории Монголии. Охарактеризован процесс накопления и разноплановой интерпретации сведений о наскальных рисунках, а также изображениях на «поминальных» объектах, относящихся ко 2-й половине I тыс. н. э. Анализ основных результатов исследования петроглифов раннесредневековых кочевников региона позволил авторам выделить несколько ключевых этапов в истории их изучения. Первый этап, в рамках которого происходило первоначальное формирование источниковой базы, связан с открытием и фиксацией в конце XIX в. стилизованных изображений козлов, осуществлявшихся, как правило, при изучении эпиграфических памятников. Начало второго этапа совпадает с масштабными археологическими изысканиями, развернувшимися на территории Монголии в середине XX в. Третий этап, наступивший в середине 1970-х гг., ознаменовал расширение представлений ученых о наскальном искусстве Монголии 2-й половины I тыс. н. э., а также выделение в нем различных изобразительных пластов. В рамках современного периода (с середины 1990-х гг.) происходит совершенствование подходов к исследованию раннесредневековых петроглифов, открытие новых памятников, а также более детальное изучение уже известных комплексов. В публикации приводятся изображения, зафиксированные в ходе полевых изысканий авторов в составе Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции.

Ключевые слова: Монголия, петроглифы, раннее Средневековье, история исследований, периодизация

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии в рамках научного проекта № 19–59–44013 «Историко-культурные и этногенетические процессы на территории Монголии в эпоху Великого переселения народов и раннем Средневековье: междисциплинарный анализ археологических и письменных источников».

Для цитирования: Мухарева А. Н., Серегин Н. Н. Петроглифы раннего Средневековья на территории Монголии: основные этапы и результаты исследований // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 1. С. 144–161 DOI: 10.14258/tpai(2021)33(1).-09

PETROGLYPHES OF THE EARLY MEDIEVAL AGE IN THE TERRITORY OF MONGOLIA: THE MAIN STAGES AND RESULTS OF RESEARCH

Anna N. Mukhareva¹, Nikolai N. Seregin²

¹*Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation*

²*Altai State University, Barnaul, Russian Federation*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4484-788X>, e-mail: mukhareva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, e-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Abstract: The article concerns with the history of the study of petroglyphs of the early Middle Ages on the territory of Mongolia. The process of accumulation and diverse interpretation of information about rock paintings, as well as images on “memorial” objects dating back to the second half of the 1st millennium AD is characterized. The analysis of the main results of the study of the petroglyphs of the early medieval nomads of the region allowed the authors to identify several key stages in the history of their study. The first stage, within which the initial formation of the source base took place, is associated with the discovery and fixation at the end of the 19th century of stylized images of goats, carried out as a rule in the study of epigraphic sites. The beginning of the second stage coincides with the large-scale archaeological research that took place in Mongolia in the middle of the 20th century. The third stage, which began in the mid-1970s, marked the expansion of scientists’ ideas about the rock art of the population of Mongolia in the second half of the 1st millennium AD, as well as the identification of various pictorial layers in it. Within the framework of the modern period (since the mid-1990s), approaches to the study of early medieval petroglyphs are being improved, new sites are being discovered, as well as a more detailed study of already known complexes. The article contains images recorded during the field research of the authors as part of the Buyant Russian-Mongolian archaeological expedition.

Keywords: Mongolia, petroglyphs, early Middle Ages, history of research, periodization

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Ministry of Culture, Education, Science and Sports of Mongolia in the framework of the scientific project No. 19–59–44013 “Historical, Cultural and Ethnogenetic Processes in Mongolia during the Great Migration and the Early Middle Ages: an Interdisciplinary Analysis of Archaeological and Written Sources”.

For citation: Mukhareva A. N., Seregin N. N. Petroglyphes of the Early Medieval Age in the Territory of Mongolia: the Main Stages And Results of Research. *The Theory and Practice of Archaeological Research*. 2021;33(1):144–161. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2021)33(1).-09

Введение

Одним из ярких видов памятников раннесредневековых кочевников Монголии являются петроглифы, представленные наскальными изображениями, а также рисунками на различных конструкциях «поминальных» сооружений (стенках оградок, изваяниях, стелах и др.). Эти комплексы являются неотъемлемой частью культуры населения обширного региона, демонстрируя не только особые изобразительные традиции, но также многие элементы мировоззренческих представлений кочевников. Несмотря на сравнительно низкую степень изученности петроглифов Монголии 2-й половины I тыс. н. э., такие памятники выступают важным источником для реконструкции различных аспектов истории кочевников.

Изучение петроглифов Монголии началось в конце XIX в. До этого времени, как правило, наскальные рисунки фиксировались путешественниками попутно, чаще всего с другими привлекавшими внимание объектами. За прошедшее с конца XIX столетия время благодаря деятельности многих исследователей была сформирована представительная источниковая база по наскальным изображениям Монголии. К настоящему времени среди разновременных петроглифов от эпохи камня до нового времени включительно довольно определенно выделяются раннесредневековые комплексы, вне всякого сомнения, заслуживающие отдельного внимания. Помимо выявления новых материалов и постепенного введения изображений данного периода в научный оборот, специалисты также немало внимания уделяли характеристике основных сюжетов и образов, хронологической и культурной атрибуции рисунков.

В настоящее время на фоне устойчивого интереса к историко-культурным и этногенетическим процессам, происходившим в регионе во 2-й половине I тыс. н. э., а также увеличения числа новых изображений, выявленных на памятниках Монголии в последние годы, представляется целесообразным проанализировать сформированные за более чем столетие результаты в области изучения наскальных рисунков данного периода. Такая работа весьма перспективна в аспекте сравнения со степенью изученности раннесредневековых петроглифов Российского Алтая и сопредельных территорий [Мухарева, 2007; Серегин, Мухарева, 2015а-б].

Анализ материалов

Фиксация и анализ петроглифов периода раннего Средневековья на памятниках Монголии восходит к открытию Н. М. Ядринцевым в 1889 г. раннесредневековых элитных комплексов, воздвигнутых в честь Куль-Тегина и Бильге-кагана в долине р. Орхон [Войтов, 1996, с. 13]. Два года спустя В. В. Радлов [1892], наряду с прочтением древнетюркских и китайских надписей, выполненных на стелах из урочища Кошо-Цайдам, впервые охарактеризовал представленные здесь же изображения стилизованных фигур горных козлов, названных им «ханской тамгой». Данное обстоятельство позволило исследователям в последующие годы соотносить аналогичные рисунки, выполненные на скальных плоскостях Монголии [Боровка, 1927, с. 80; Дорж, 2007б, с. 14; Дорж, Новгородова, 1975, с. 45; и др.], а также сопредельных территорий [Грач, 1973], с «древнетюркской эпохой».

Одним из первых памятников наскального искусства, серии стилизованных фигур козлов которого были соотнесены с тюркским временем, является комплекс Улан-хада. Известные еще Н. М. Ядринцеву изображения в данном урочище повторно были осмотрены Г. И. Боровкой в 1925 г. в ходе обследования археологических памятников среднего течения р. Толы. Г. И. Боровка [1927, с. 83] не только стал первым ученым, выделившим среди разновременных петроглифов Монголии наряду с рисунками скифо-сибирского стилистического раннесредневековых изображений и знаков «турецкого» характера. Он впервые высказал предположение о сходстве фигур козлов на скалах с тамгообразными изображениями на других типах орхонских памятников: «изображение козла в совершенно той же схеме, в которой изображен козел на черепахе с турецкой княжеской могилы на Мукуре. ... Это совпадение дает нам право отнести всю эту группу рисунков на Улан-хада к турецкому периоду» [Боровка, 1927, с. 80]. Кроме того, им были довольно подробно описаны технические особенности выполнения петроглифов, ко-

торые «выбиты очень неглубоко в скале, почти только нацарапаны. Это чрезвычайно затрудняет их фиксирование, потому что, обыкновенно эстампаж не достигает цели» [Боровка, 1927, с. 80]. Лишь благодаря серии удачных снимков исследователю удалось зафиксировать более светлую выбитую «поверхность рисунка на потемневшем от времени фоне скал» [Боровка, 1927, с. 80].

Дальнейшее накопление материалов для изучения изобразительных традиций раннесредневекового населения Монголии происходило благодаря полевым изысканиям участников Историко-этнографической экспедиции под общим руководством С. В. Киселева. И хотя среди нескольких ее отрядов, осуществлявших исследования в различных районах страны, не было группы, специализировавшейся непосредственно на изучении раннесредневековых рисунков, тем не менее участники работ регулярно обнаруживали неизвестные ранее отдельные изображения и целые памятники, со временем составившие довольно представительную источниковую базу по петроглифам раннего Средневековья.

Более того, специалистов продолжали волновать вопросы хронологической атрибуции наскальных изображений региона. В результате постепенно сформировалось понимание того, что только «датировка наскальных рисунков Монголии превращает их в ценный источник, позволяющий полнее и разностороннее раскрыть различные стороны жизни древних обитателей территории МНР в конкретные исторические периоды» [Дорж, 2007б, с. 15].

В 1960-е гг., анализируя скопление наскальных рисунков в долине р. Цагаан гол, Ц. Доржсурен [1963, тал. 16–26], вслед за Г. И. Боровкой, наряду с петроглифами раннего железного века выделил изображения тюркского времени, определив период их бытования в рамках VI–VII вв. н. э. Данный хронологический пласт петроглифов фигурирует и в новой периодизации, предложенной Д. Доржем [2007г, тал. 21–27] для наскальных рисунков Монголии в целом и опубликованной в Монголии в 1962 г. Как и его предшественники, Д. Дорж при создании своей периодизации наскального искусства региона основывался на анализе техники исполнения изображений, композиции [Дорж, 2007б, с. 14], стилистическом анализе, использовании аналогий с надежно датированными предметами из раскопок и атрибутированными петроглифами сопредельных территорий — Минусинской котловины, Тувы, Забайкалья, Алтая, Памира и Казахстана [Дорж, 2007б, с. 11]. При этом хронологические рамки петроглифов «тюркского времени» исследователь соотнес с VII–VIII вв. н. э. [Дорж, 2007г, тал. 26, 27].

Спустя десятилетие Д. Дорж вновь обратился к периодизации наскальных изображений Монголии. Совместные исследования, осуществляемые с В. В. Волковым и Э. А. Новгородовой, позволили к этому времени не только выявить новые петроглифы в местности Барун бичигт, расположенной на территории Хатан булат сомона Восточногобийского аймака [Волков, 1965, рис. 1.-1], но и датировать одну из сцен концом I тыс. н. э. При этом, если В. В. Волков [1965, с. 288] только предполагал возможность «как-то связывать» данные изображения «с кыргызами», то Д. Дорж и Э. А. Новгородова уверенно определили возраст и историко-культурную принадлежность конного всадника, изображенного с «объектом его охоты», как «киргизского» [Дорж, 2007а, с. 105, 106; 2007в, с. 63; Дорж, Новгородова, 1975, с. 45]. На основании анализа данной

сцены, напоминающей реалистичные петроглифы Сулекской и Шишкинской писаниц и выбивающейся из известного на тот момент однообразного репертуара эпохи раннего Средневековья, представленного на памятниках наскального искусства Монголии условными изображениями фигур горных козлов, ими в отдельную группу были выделены петроглифы «киргизского времени (конец IX в. н.э.)» [Дорж, Новгородова, 1975, с. 45]. Следует отметить, что в последующих работах Э. А. Новгородова [1981б, с. 40; 1984, с. 125] пересмотрела предложенную культурную атрибуцию, датировав петроглифы «древнетюркским временем». Принимая во внимание то, что данная сцена опубликована у В. В. Волкова [1965] и Д. Доржа [1974; 2007а] в зеркальном отражении и до сих пор фигурирует в научной литературе в виде черно-белых прорисовок, она, безусловно, заслуживает повторной публикации на современном уровне.

Подводя в своей монографии своеобразный итог результатам изучения средневековых петроглифов Монголии, Д. Дорж и Э. А. Новгородова [1975, с. 45] еще раз подчеркнули, что «... специфическими для петроглифов древнетюркского времени являются рисунки горных козлов, точно повторяющие друг друга» и «по своей манере стилизации» совпадающие «с такими же изображениями, имеющимися на надгробных памятниках тюркского времени». К аналогичному выводу пришли и другие исследователи [Окладников, 1981, с. 82]. Вместе с тем обозначенные авторы отметили наличие среди петроглифов тюркского времени «тонкопрочерченных» изображений всадников на лошадях с поджарыми фигурами, рядом с которыми иногда «начертаны древнетюркские надписи и тамги» [Дорж, Новгородова, 1975, с. 45; Новгородова, 1981б, с. 40]. К сожалению, сложно наверняка утверждать, какой именно технический прием исполнения петроглифов имели в виду исследователи — нам не известны публикации тех лет, в которых фигурировали бы фотографии или графические воспроизведения изображений, выполненных резными или прочерченными линиями. Если все же речь шла о резных и гравированных фигурах, то их отсутствие в публикациях, вероятно, было связано с ограниченностью технических средств, материалов для копирования, а также полиграфических возможностей, не позволявших ни фиксировать, ни публиковать гравированные рисунки.

По-настоящему новый этап в изучении раннесредневековых петроглифов Монголии знаменует открытие в 1973 г. уникальной композиции в урочище Хар-Хад (Харганат), кардинально перевернувшее имеющиеся представления о репертуаре наскального искусства региона и вызвавшее небывалый всплеск интереса со стороны многих специалистов к наскальному творчеству населения региона 2-й половины I тыс. н. э. Именно тогда на территории Эрдэнэ бурэн сомона Ховдского аймака Монголии, высоко в горах, была обнаружена новая сцена с участием воинов в доспехах, пеших и сидящих на конях, закованных в броню [Волков, Новгородова, 1973, с. 536; Дорж, Новгородова, 1975, с. 45]. Обследованная и скопированная участниками Советско-Монгольской экспедиции в том же году данная композиция в дальнейшем была введена в научный оборот целой серией публикаций [Новгородова, Горелик, 1980; Nowgorodowa, 1980; Новгородова, 1981а; 1984, рис. 60; и др.]. Анализ стилистических особенностей всадников Хар-Хада и аналогии, приведенные изображенному на них вооружению, позволили исследователям определить этнокультурную принадлежность «тяжеловооруженных тюрк-

ских всадников, изображенных самими тюрками» и датировать петроглифы VI–VII вв. н. э. [Новгородова, Горелик, 1980, с. 112; Новгородова, 1984, с. 132–134]. М. В. Гореликом были созданы варианты графической реконструкции хар-хадских бронированных воинов и их коней [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 8; Nowgorodowa, 1980, s. 215]. Позднее он несколько омолодил дату рисунков до V–VI вв. [Горелик, 1993, с. 155, 158, 160].

В последующие десятилетия эта композиция неоднократно осматривалась монгольскими [Цэвээндорж, 1999, табл. 131; Батмөнх, 2008, тал. 103–105; и др.] и российскими [Ожередов, Ожередова, 2009; Тишкин, Горбунов, Мухарева, 2012; и др.] специалистами, а рисунки катафрактариев не раз привлекались в работах археологического, оружейно-ведческого или искусствоведческого плана. В некоторых из них приведены прорисовки всадников, весьма отличающиеся от тех, которые публиковала Э. А. Новгородова [Худяков, 1986, рис. 72.-1–2].

Обобщение основных результатов исследования петроглифов Монголии тюркского времени Э. А. Новгородовой [1984, с. 125–135] было выполнено лишь однажды. На страницах монографии «Мир петроглифов Монголии» ею приведены все известные к тому времени сюжетные композиции и реалистичные изображения данного периода [Новгородова, 1984, рис. 57, 59–63], а также некоторые аналогии им с сопредельных территорий [Новгородова, 1984, рис. 58].

Новую страницу в изучении раннесредневековых петроглифов региона открывают масштабные работы интернационального коллектива исследователей, осуществляемые с середины 1990-х гг. на крупных комплексах в северной части Монгольского Алтая. В результате многолетних совместных изысканий участников Российско-монгольско-американской экспедиции В. Д. Кубаревым [2003, с. 48–51, рис. 1] была составлена схема эволюционного развития наскального искусства данной территории, в которой наряду с неолитическими петроглифами, изображениями развитой и поздней бронзы, эпохи ранних кочевников были выделены рисунки тюркского времени. В дальнейшем изображения данного хронологического пласта, а также их сюжетная и стилистическая характеристика неизменно фигурировали в монографических публикациях отдельных местонахождений и комплексов [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 107–111, рис. 15–16; Кубарев, 2009, с. 12, 16–19, 29; и др.].

Продолжают уделять внимание вопросам атрибуции петроглифов и монгольские специалисты, наряду с другими хронологическими пластами характеризуя изображения тюркского периода [Батболд, 2018, тал. 10–11]. Подробно останавливаясь на описании технических приемов, стилистических и иконографических особенностей рисунков на скалах, основных сюжетов и образов эпохи, Н. Батболд [2018, тал. 11] отметил, что «петроглифы тюркского периода большей частью сконцентрированы в горах Монгольского Алтая, в других регионах Монголии их обнаружено сравнительно мало», считая это «доказательством того, что центром расселения тюркоязычных племен и народов были именно Алтайские горы». На наш взгляд, такая неравномерность помимо обозначенного фактора объясняется также большей степенью изученности петроглифических памятников, расположенных на территории Монгольского Алтая, и свидетельствует о необходимости проведения полевых экспедиционных исследований в других частях страны.

Начиная с середины 1990-х гг. специалисты все чаще публикуют петроглифы, выполненные резными или гравированными линиями [Кубарев В. Д., Цэвээндорж, 1996; Кубарев, 2011; Кубарев, Цэвээндорж, 1999; Умирбек, 2018, с. 34–35, рис. 1–2; и др.]. Во многом это связано с улучшением материалов для копирования, а также распространением цифровой техники и специализированного программного обеспечения, позволяющих на принципиально ином качественном уровне фиксировать и воспроизводить в виде прорисовок новые материалы. Как правило, гравированные сцены содержат дактирующие реалии или иконографические особенности, позволяющие более обоснованно атрибутировать и интерпретировать рисунки. Кроме того, благодаря серии таких изображений, выявленных в петроглифах Монгольского Алтая, появились основания ставить раннесредневековое наскальное искусство Монголии в один ряд с известными рисунками Кудыргэ, Калбак-таша, Бичикту-Бома и других памятников, известных на территории Российского Алтая [Кубарев, Цэвээндорж, 1996, с. 143].

Примерно тогда же в публикациях начинают фигурировать наблюдения относительно технических приемов исполнения раннесредневековых выбитых рисунков. Встречаются указания на использование при создании раннесредневековых образов более ранних изображений [Кубарев, 2011, с. 87], а также на их позднейшие подновления «повторной выбивкой, которая делает рисунки более отчетливыми на фоне скальной плоскости» [Кубарев, 2011, с. 88].

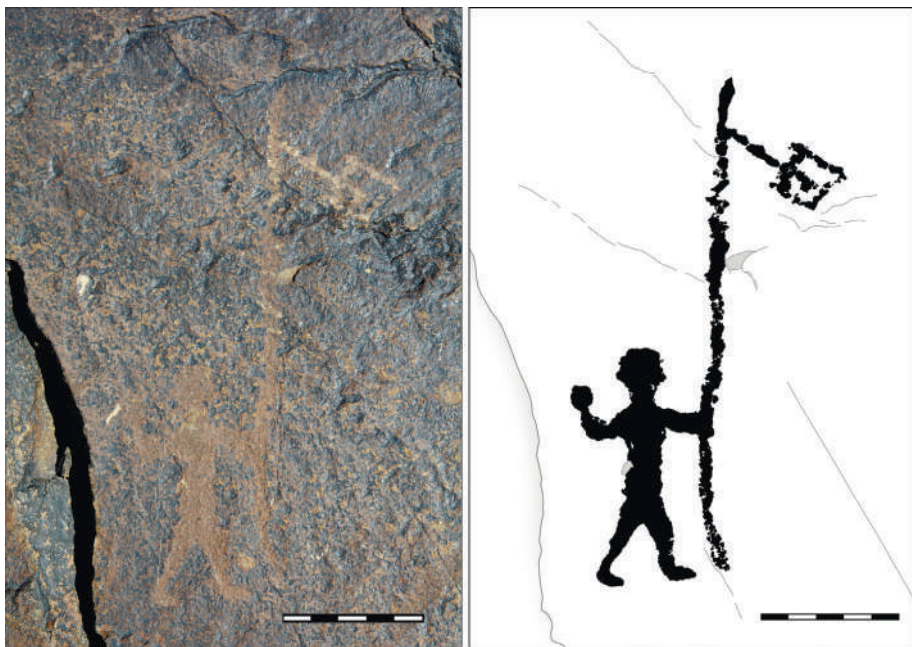

Рис. 1. Дэрстиин хутол (Ховдский аймак Монголии). Изображение знаменосца: фото 2018 г. и прорисовка фигуры

Fig. 1. Derstiin Khutul (Khovd aimag of Mongolia). The Image of the banner bearer: photo of 2018 and drawing of the figure

Рис. 2. Хар-Хад (Ховдский аймак Монголии): 1 – изображения катафрактов, фото 2011 г.; 2 – плоскость со сценой охоты, прорисовка и фото 2013 г.
 Fig. 2. Khar-Khad (Khovd aimag of Mongolia): 1 – images of cataphracts, photo of 2011;
 2 – plane with a hunting scene, drawing and photo of 2013

В настоящее время помимо открытия ранее не известных образов в раннесредневековом наскальном искусстве Монголии [Мухарева, Мунхбаяр, Сухбаатар, 2018, с. 74–76] (рис. 1) большое значение имеет повторное обследование уже известных комплексов наскального искусства с целью детальной фиксации изображений. Так, в 2011 и 2013 гг. участниками Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции в рамках документирования петроглифов известного местонахождения Хар-Хад (рис. 2.-1), обследования прилегающих к нему окрестностей и выборочных раскопок отдельных

объектов [Тишкин и др., 2016] было предпринято повторное копирование рисунков [Тишкин, Горбунов, Мухарева, 2012]. Новые исследования позволили не только уточнить ранее известную композицию с катафрактариями, дополнив ее еще одним изображением тяжеловооруженного воина, но и зафиксировать на памятнике новые сцены эпохи раннего Средневековья (рис. 2.-2).

Повторное изучение уже известных изображений также представляется актуальным в связи с тем, что не все петроглифы, к настоящему времени опубликованные разными авторами как раннесредневековые, являются таковыми на самом деле. А некоторые изображения, датированные предшествующим тюркскому времени периодом, по стилистическим особенностям близки к раннесредневековым.

Отдельно следует упомянуть о важности изучения многофигурных композиций на изваяниях [Кубарев, 1995; Баяр, 1998; Кубарев, 2015; и др.], стелах [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2000, с. 322–323; Тишкин и др., 2015, с. 81, рис. 11], плитах оградок [Горбунов и др., 2015; Мухарева, Серегин, 2016], выявленных при исследовании «поминальных» комплексов Монгольского Алтая. Они представлены высокохудожественными сценами преследования или охоты, жанровыми сюжетами, а также стилизованными изображениями и знаками (рис. 3). И хотя к настоящему времени общее количество подобных сцен невелико, исследования последних десятилетий демонстрируют определенные перспективы данного направления, а дальнейшее накопление источниковой базы, безусловно, позволит более обоснованно подходить к вопросам хронологии наскальных рисунков 2-й половины I тыс. н. э. Одним из сравнительно недавних результатов работ в указанном направлении является выявление и фиксация изображений оленухи и хищника, предположительно кошачьего (барса?), выполненных довольно глубокими резными линиями на плите одной из оградок комплекса Годон-Гол-V в Баян-Ульгийском аймаке Монголии [Мухарева, Серегин, 2016] (рис. 3.-2–3). Анализ представленной сцены и приведенные аналогии позволили сделать вывод о синхронности ритуального сооружения и гравированных изображений. Реалистично переданные пропорции фигур, заштрихованность корпусов животных косыми линиями, определенный динамизм сцены, техника нанесения петроглифов и степень их патинизации характерны для рисунков тюркского времени. Мастерски выполненная сцена на плите оградки комплекса Годон-Гол-V, несомненно, может быть отнесена к шедеврам раннесредневекового искусства, дополнившим наши представления об изобразительном творчестве населения региона.

В целом накопленные материалы и сформированный опыт их изучения стали основанием для значительного расширения представлений об изобразительном репертуаре кочевников Монголии 2-й половины I тыс. н. э. Так, исследователями были предприняты попытки интерпретации серии раннесредневековых наскальных рисунков как «сюжетов охоты и войны» [Кубарев, 2001а–б], «удачной охоты» или единоробства «средневековых „рыцарей“» [Кубарев, 2011, с. 88], а также всесторонний анализ наиболее ярких образов [Кубарев, 2002; Кубарев, 2005; Мухарева, Мунхбаяр, Сухбаатар, 2018, с. 74–76; и др.]. Нередко образы и сюжеты наскального искусства Монголии анализировались на фоне аналогий с петроглифами на памятниках Российского Алтая [Кубарев, 2011].

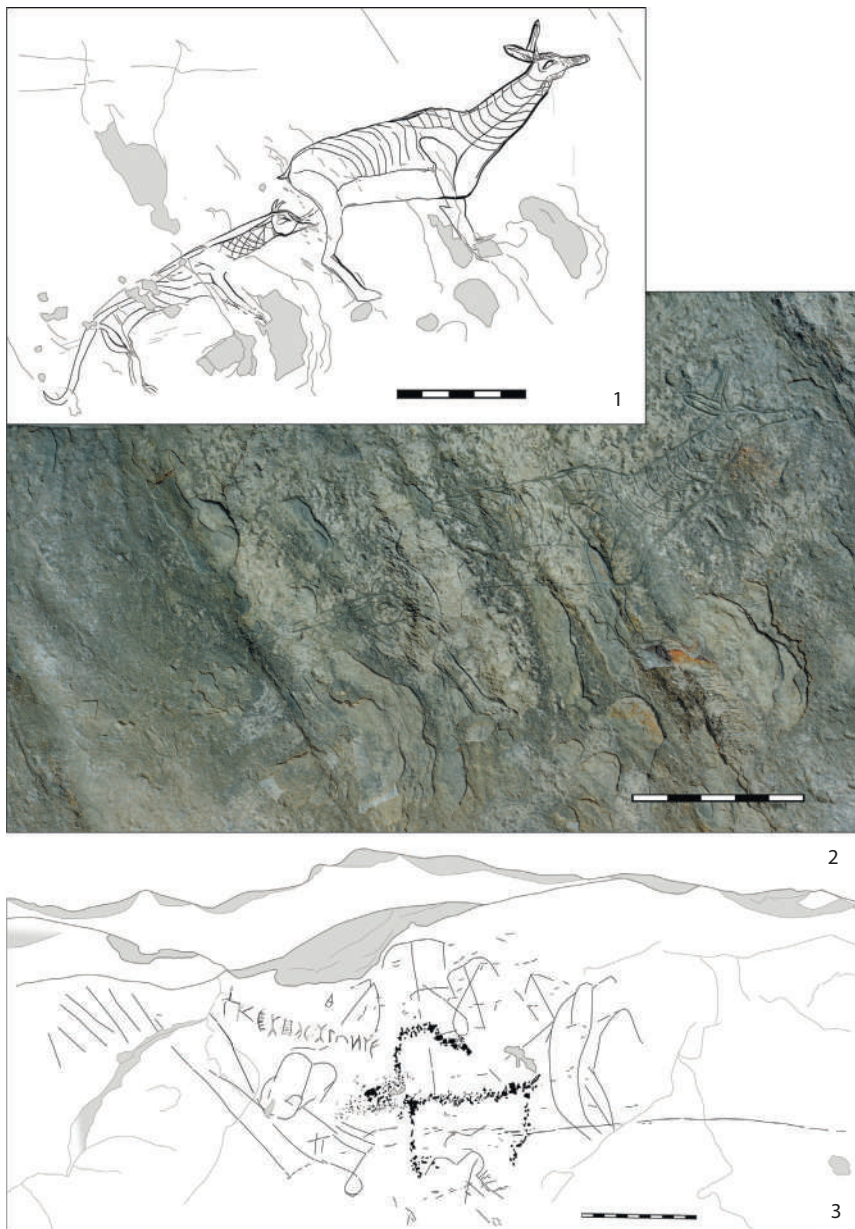

Рис. 3. Изображения на плитах оградок:

1, 2 – Годон-Гол-V (Баян-Ульгийский аймак Монголии), прорисовка (1) и фото 2015 г. (2); 3 – Бийрэг (Ховдский аймак Монголии), прорисовка
 Fig. 3. Images on fence slabs: 1, 2 – Godon-Gol-V (Bayan-Ulgiy aimag of Mongolia), drawing (1) and photo of 2015 (2); 3 – Biireg (Khovd aimag of Mongolia), drawing

Кроме того, в последние годы продолжает расти интерес исследователей к ранне-средневековым тамговым знакам, нанесенным на скальные поверхности монгольских

памятников. Вновь выявленные тамги активно вводятся в научный оборот, специалисты анализируют их происхождение и семантику [Умирбек, 2016]. Однако территориально эти исследования также пока построены преимущественно на материалах Монгольского Алтая, отражая неравномерность в изучении петроглифов региона.

Все чаще наиболее привлекательные сюжеты раннесредневекового наскального искусства Монголии можно встретить в популярных изданиях, посвященных историко-культурному наследию отдельных аймаков страны [Бихумарын, 2009, тал. 38, 41–47].

Заключение

Таким образом, к настоящему времени в изучении раннесредневекового наскального искусства Монголии достигнуты значительные успехи, а анализ основных результатов, полученных предшественниками, позволяет выделить в истории исследования петроглифов 2-й половины I тыс. н. э. несколько этапов.

Первый этап начался в конце XIX в., когда специалисты при изучении эпиграфических памятников впервые зафиксировали стилизованные фигуративные изображения и в последующем, сопоставляя их с аналогичными рисунками, выявленными на скалах, предприняли первые успешные попытки определения времени нанесения наскальных рисунков. Важной характеристикой данного периода было первоначальное формирование источниковой базы, анализ которой более активно стал осуществляться лишь спустя десятилетия.

Начало второго этапа совпадает с масштабными археологическими изысканиями, развернувшимися на территории Монголии в середине XX в. в результате научного сотрудничества государства с СССР. Наряду со многими другими древними и средневековыми объектами интерес исследователей вызывали петроглифы. Однако в силу разных обстоятельств специалисты чаще анализировали ранние хронологические пласты наскальных изображений, в то время как рисунки более позднего времени — I и II тыс. н. э. — гораздо реже становились предметом их изучения. Во многом эта ситуация объясняется основными задачами разнообразных экспедиционных отрядов, нацеленных на изучение памятников эпохи палеолита, бронзы или ранних кочевников. Устойчивый интерес к памятникам Средневековья проявляли отряды, изучавшие эпиграфические источники или собиравшие этнографические сведения. Вместе с тем, как правило, в ходе многочисленных полевых изысканий 2-й половины XX в. на территории Монголии петроглифы поздних эпох зачастую исследовались лишь попутно. При этом сформировалось определенное представление о специфическом репертуаре наскальных рисунков тюркского времени, якобы не отличающемся разнообразием, включающем преимущественно стилизованные фигуры горных козлов, аналогичные выбитым на раннесредневековых эпиграфических памятниках эпохи, и не вызывающем дискуссий. Тем не менее в рамках обозначенного периода наблюдается значительное расширение источниковой базы по раннесредневековому наскальному искусству Монголии, что легло в основу новых периодизационных схем и определило возможности датирования петроглифов 2-й половиной I тыс. н. э.

Третий этап в изучении раннесредневековых петроглифов Монголии наступил в середине 1970-х гг. Его предвестником остаются публикации реалистичных изображений, выявленных в местности Барун бичигт, которые не только расширили репертуар эпохи,

но и стали основанием для выделения некоторыми специалистами среди рисунков 2-й половины I тыс. н. э. тюркского и кыргызского изобразительных пластов. Последующие открытия реалистичных изображений конных всадников, в том числе в урочище Хар-Хад, и анализ новых материалов позволили значительно продвинуться не только в изучении петроглифов, но и в некоторых других аспектах.

Новый, четвертый этап, начался в середине 1990-х гг. и связан с постепенным утверждением принципиально иного подхода к изучению наскальных изображений в целом, заключающегося в отказе от выборочного документирования местонахождений и анализа отдельных рисунков в пользу максимально полного исследования комплексов. В последние десятилетия в научный оборот вводятся петроглифы, выполненные не только на скалах, но и на «поминальных» памятниках. Использование цифровой техники и новых материалов для копирования позволили на более совершенном уровне фиксировать рисунки, особенно выполненные резными и гравированными линиями. Положительные результаты такого подхода не только проявились в значительном увеличении источниковой базы, но продемонстрировали также, что раннесредневековые петроглифы Монголии не уступают по разнообразию сюжетов и образов многообразию стилистических традиций и технических приемов исполнения изображениям соседних регионов. И, несмотря на неравномерность имеющихся в нашем распоряжении данных (лучше на сегодняшний день изучены раннесредневековые наскальные изображения на памятниках Монгольского Алтая, в то время как сведений о раннесредневековых рисунках центральной и восточной частей страны значительно меньше), объем известных материалов весьма значителен. В связи с этим представляется актуальной подготовка обобщающего исследования, включающего свод всех выявленных к настоящему времени рисунков и их всесторонний анализ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Батболд Н. Хронология петроглифов Монгольского Алтая // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 1. С. 6–13.

Батмөнх Б. Монгол Алтайн тув хэсэг дэх археологийн дурсгалууд (Археологические памятники центральной части Монгольского Алтая). Улаанбаатар : Ховд их сургууль туухийн тэнхим, 2008. 141 тал. (на монг. яз.).

Баяр Д. Каменное изваяние с Хар Ямаатын-гола // Археологийн Судлал. 1998. Т. XVIII. Т. 125–129. (на монг. яз.).

Бихумарын К. Баян-Өлгий аймгийн нутаг дэвсгэр дахь туух соёлын дурсгалууд (Өнгөт альбом). Улаанбаатар : ШУА-ийн харъяа Баян-Өлгий аймаг, 2009. (на монг. яз.).

Боровка Г. И. Археологическое изучение среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. Т. II. С. 43–87.

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

Волков В. В. Гобийский всадник // Новое в советской археологии. М. : Наука, 1965. С. 286–288.

Волков В. В., Новгородова Э. А. Археологические работы в Монголии // Археологические открытия 1973 года. М. : Наука, 1973. С. 536.

Горбунов В. В., Тишкин А. А., Серегин Н. Н., Мухарева А. Н., Мунхбаяр Ч. Продолжение исследований тюркских оградок на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 1. С. 70–86.

Горелик М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1993. С. 149–179.

Грач А. Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // Тюркологический сборник 1972. М. : Наука, 1973. С. 316–333.

Дорж Д. Гобийский всадник // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск : Наука, 1974. С. 174–176.

Дорж Д. Гобийский всадник // Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл, илтгэлийн эмхэтгэл (Собрание сочинений археолога, академика Доржхандын Доржа). Улаанбаатар хот : Археологийн хүрээлэн Монгол Улсын ШУА, 2007а. С. 104–106.

Дорж Д. К истории изучения наскальных изображений Монголии // Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл, илтгэлийн эмхэтгэл (Собрание сочинений археолога, академика Доржхандын Доржа). Улаанбаатар хот : Археологийн хүрээлэн Монгол Улсын ШУА, 2007б. С. 6–15.

Дорж Д. Периодизация наскальных изображений Монголии // Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл, илтгэлийн эмхэтгэл (Собрание сочинений археолога, академика Доржхандын Доржа). Улаанбаатар хот : Археологийн хүрээлэн Монгол Улсын ШУА, 2007в. С. 62–65.

Дорж Д. Монгол орны ад чулуун дээрх зураг сүгийн зүйл // Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл, илтгэлийн эмхэтгэл (Собрание сочинений археолога, академика Доржхандын Доржа). Улаанбаатар : Археологийн хүрээлэн Монгол Улсын ШУА, 2007г. Тал. 21–27. (на монг. яз.).

Дорж Д., Новгородова Э. А. Петроглифы Монголии. Улан-Батор : Ин-т истории АН МНР, 1975. Ч. I. 275 с.

Доржсүрэн Ц. Говь-Алтайн Цагаан голын хадны зураг (Наскальные изображения на р. Цагаан-гол в Гоба-Алтае) // Археологийн Судлал. 1963. Т. I. Т. 16–26. (на монг. яз.).

Кубарев В. Д. Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 158–162.

Кубарев В. Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001а. № 4. С. 95–107.

Кубарев В. Д. Традиционные приемы и объекты охоты по мотивам наскальных изображений Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2001б. № 7. С. 155–159.

Кубарев В. Д. Всадники из Хар-Салаа // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 3–11.

Кубарев В. Д. Алтай — Монголия: итоги и перспективы изучения наскального искусства // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. № 10. С. 46–58.

Кубарев В. Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 420 с.

Кубарев В. Д. Наскальное искусство древних тюрок Алтая и Западной Монголии // Форум «Идель — Алтай». Казань : ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 81–94.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д. Раннесредневековые граффити Монгольского Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. С. 140–143.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Шивээт-Хайрхана // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Т. VI. С. 319–323.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаар-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 640 с.

Кубарев Г. В. Раннесредневековые всадники в петроглифах Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай) // Мир наскального искусства. М. : Ин-т археологии РАН, 2005. С. 149–153.

Кубарев Г. В. Мемориальный комплекс древнетюркского аристократа из Хара-Ямаатын-Гола (Монгольский Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 136–150.

Кубарев Г. В., Цэвээндорж Д. Раннесредневековые петроглифы Монгольского Алтая // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 157–169.

Мухарева А. Н. Сюжетные композиции эпохи раннего средневековья в изобразительном искусстве Саяно-Алтая : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 23 с.

Мухарева А. Н., Мунхбаяр Ч. Б., Сухбаатар Б. Наскальные изображения Дэрстиин хутул в Монголии // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. № 8. С. 67–76.

Мухарева А. Н., Серегин Н. Н. Гравированные изображения на плите тюркской оградки комплекса Годон-Гол-V (Монгольский Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2016. № 2. С. 229–235.

Новгородова Э. А. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // Тюркологический сборник. 1977. М. : Наука, 1981а. С. 203–218.

Новгородова Э. А. Периодизация петроглифов Монголии // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М. : Наука, 1981б. С. 33–41.

Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М. : Наука, 1984. 168 с.

Новгородова Э. А., Горелик М. В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М. : МГУ, 1980. С. 101–112.

Ожередов Ю. И., Ожередова А. Ю. Воины Черной скалы // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск : ИрГТУ, 2009. Вып. 7. С. 149–154.

Окладников А. П. Петроглифы Монголии. Л.: Наука, 1981. 228 с.

Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1892. (Труды Орхонской экспедиции. Вып. 1).

Серегин Н. Н., Мухарева А. Н. Основные этапы исследования наскальных рисунков раннего средневековья на территории Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015а. Вып. XXI. С. 184–192.

Серегин Н. Н., Мухарева А. Н. История изучения петроглифов раннего средневековья на территории Алтая // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015б. № 1. С. 95–106.

Тишкин А. А., Горбунов В. В., Мухарева А. Н. Катафрактарии Хар-Хада (Монгольский Алтай) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 221–226.

Тишкин А. А., Горбунов В. В., Серегин Н. Н., Мухарева А. Н., Идэрхангай Т. — О., Мунхбаяр Ч. Результаты археологических исследований в Западной и Центральной Монголии в 2014 г. // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 2. С. 69–92. DOI: 10.14258/tpai(2015)2(12).-06

Тишкин А. А., Горбунов В. В., Серегин Н. Н., Мухарева А. Н., Мунхбаяр Ч. Результаты археологических исследований на территории Монгольского Алтая в 2015 г. // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск : СФУ, 2016. С. 100–106.

Умирбек Б. Формы тамговых знаков на территории Баян-Ульгийского аймака Монголии // Искусство Евразии. 2016. № 2. С. 28–44.

Умирбек Б. Основные образы петроглифического комплекса Хар Магнай // Искусство Евразии. 2018. № 2. С. 33–42.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

Цэвээндорж Д. Монголын эртний урлагийн туух. Уланбатор : Гамма, 1999. 317 тал. (на монг. яз.).

Nowgorodowa E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig: E. A. Seemann Verlag, 1980. 280 S. (на нем. яз.).

REFERENCE

Batbold N. Hronologiya petroglifov Mongol'skogo Altaya [Chronology of Petroglyphs of the Mongolian Altai]. Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [Scientific Review of Sayano-Altai]. 2018. № 1. Pp. 6–13. (*In Russ.*)

Batmönh B. Mongol Altajn tuv heseg deh arheologijn dursgaluud (Arheologicheskie pamyatniki central'noj chasti Mongol'skogo Altaya) [Archaeological Sites in the Central Part of Altai]. Ulaanbaatar : Ховд их сургууль туухийн тэнхим, 2008. 141 tal. (*In Mong.*)

Bayar D. Kamennoe izvayanie s Har Yamaatyn-gola [Stone Statue from Khar Yamaatyn-gol]. Arheologijn Sudlal [Archaeological Sudlal]. 1998. Vol. XVIII. T. 125–129. (*In Mong.*)

Bihumaryn K. Bayan-Өlgij ajmgijn nutag devsgер dah' tuuh soyolyn dursgaluud (Өngөт ал'бом). [Historical and Cultural Site of Bayan-Gylgy Aimag (Color Album)]. Ulaanbaatar : ShUA-ijn har'yaа Bayan-Өlgij ajmag, 2009. (*In Mong.*)

Borovka G. I. Arheologicheskoe izuchenie srednego techeniya r. Toly [Archaeological Study of the Middle Reaches of the River. Toli]. Severnaya Mongoliya [Northern Mongolia]. L. : Izd-vo AN SSSR, 1927. Vol. II. Pp. 43–87. (*In Russ.*)

Vojtov V. E. Drevnetyurkskij panteon i model' mirozdaniya v kul'tovo-pominal'nyh pamyatnikah Mongolii VI–VIII vv. [Ancient Türkic Pantheon and Model of the Universe in Cult-memorial Monuments of Mongolia in the 6th — 8th Centuries]. M. : Izd-vo GMV, 1996. 152 p. (*In Russ.*)

Volkov V. V. Gobijskij vsadnik [The Gobi Horseman]. Novoe v sovetskoj arheologii [New in Soviet Archaeology]. M. : Nauka, 1965. Pp. 286–288. (*In Russ.*)

Volkov V. V., Novgorodova E. A. Arheologicheskie raboty v Mongolii [Archaeological Work in Mongolia]. Arheologicheskie otkrytiya 1973 goda [Archaeological Discoveries of 1973]. M. : Nauka, 1973. Pp. 536. (*In Russ.*)

Gorbunov V. V., Tishkin A. A., Seregin N. N., Muhareva A. N., Munhbayar Ch. Prodolzhenie issledovaniy tyurkskikh ogradok na territorii Mongol'skogo Altaya [Continuation of Research of Turkic Enclosures on the Territory of the Mongolian Altai]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2015. № 1. Pp. 70–86. (*In Russ.*)

Gorelik M. V. Zashchitnoe vooruzhenie stepnoj zony Evrazii i primykayushchih k nej territorij v I tys. n. e. [Defensive Armament of the Steppe Zone of Eurasia and Adjacent Territories in the I Millennium AD]. Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka [Military Affairs of the Population of the South of Siberia and Far East]. Novosibirsk : Nauka, 1993. Pp. 149–179. (*In Russ.*)

Grach A. D. Voprosy datirovki i semantiki drevnetyurkskikh tamgoobraznyh izobrazhenij gornogo kozla [Issues of Dating and Semantics of Ancient Türkic Tamga-like Images of a Mountain Goat]. Tyurkologicheskij sbornik 1972 [Türkological Collection 1972]. M. : Nauka, 1973. Pp. 316–333. (*In Russ.*)

Dorz D. Gobijskij vsadnik [The Gobi Horseman]. Bronzovyy i zheleznyy vek Sibiri [Bronze and Iron Age of Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1974. Pp. 174–176. (*In Russ.*)

Dorz D. Gobijskij vsadnik [The Gobi horseman]. Erdem shinzhilgeenij ögyylel, iltgelijn emhetgel (Sobranie sochinenij arheologa, akademika Dorzhhandyn Dorzha) [(Collected Works of the Archaeologist, Academician Dorzhnandin Dorzha)]. Ulaanbaatar : Arheologijn hyreelen Mongol Ulsyn ShUA, 2007a. Pp. 104–106. (*In Russ.*)

Dorz D. K istorii izucheniya naskal'nyh izobrazhenij Mongolii [History of the Study of Rock Carvings in Mongolia]. Erdem shinzhilgeenij ögyylel, iltgelijn emhetgel (Sobranie sochinenij arheologa, akademika Dorzhhandyn Dorzha). [Collected Works of the Archaeologist, Academician Dorzhnandin Dorzha]. Ulaanbaatar : Arheologijn hyreelen Mongol Ulsyn ShUA, 2007b. Pp. 6–15. (*In Russ.*)

Dorz D. Periodizaciya naskal'nyh izobrazhenij Mongolii [Periodization of Rock Carvings of Mongolia]. Erdem shinzhilgeenij ögyylel, iltgelijn emhetgel (Sobranie sochinenij arheologa, akademika Dorzhhandyn Dorzha). [Collected Works of the Archaeologist, Academician Dorzhnandin Dorzha]. Ulaanbaatar : Arheologijn hyreelen Mongol Ulsyn ShUA, 2007v. Pp. 62–65. (*In Mong.*)

Dorz D. Mongol orny ad chuluun deerh zurag sygijn zyl [Mongolian Rock Deer]. Erdem shinzhilgeenij ögyyle, iltgelijn emhetgel (Sobranie sochinenij arheologa, akademika Dorzhhandyn Dorzha). [Collected Works of the Archaeologist, Academician Dorzhnandin Dorzha] Ulaanbaatar : Arheologijn hyreenen Mongol Ulsyn ShUA, 2007g. Pp. 21–27. (*In Mong.*)

Dorz D., Novgorodova E. A. Petroglify Mongolii. [Petroglyphs of Mongolia]. Ulan-Bator : In-t istorii AN MNR, 1975. Ch. I. 275 p. (*In Russ.*)

Dorzsuren C. Gov' — Altajn Cagaan golyn hadny zurag (Naskal'nye izobrazheniya na r. Cagaan-gol v Goba-Altai) [Rock Art on the River. Tsagaan-gol in Goba-Altai]. Arheologijn Sudlal [Archaeological Research]. 1963. Vol. I. Pp. 16–26. (*In Mong.*)

Kubarev V. D. Izvayanie s reki Hara-Yama [Statue from the Nara-Yama River]. Problemy ohrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya [Problems of Protection, Study and Use of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. Pp. 158–162. (*In Russ.*)

Kubarev V. D. Syuzhety ohoty i vojny v drevnetyurkskih petroglifakh Altaya [Plots of Hunting and War in the Ancient Turkic Petroglyphs of Altai]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2001a. № 4. Pp. 95–107. (*In Russ.*)

Kubarev V. D. Tradicionnye priemy i obekty ohoty po motivam naskal'nyh ihobrazhenij Altaya [Traditional Methods and Objects of Hunting Based on Rock Images of Altai]. Drevnosti Altaya [Antiquities of Altai]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2001b. № 7. Pp. 155–159. (*In Russ.*)

Kubarev V. D. Vsadniki iz Har-Salaa [Horsemen from Khar-Salaa]. Materialy po voennoj arheologii Altaya i sopredel'nyh territorij [Materials on Military Archaeology of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. Pp. 3–11. (*In Russ.*)

Kubarev V. D. Altaj — Mongoliya: itogi i perspektivy izucheniya naskal'nogo iskusstva [Altai — Mongolia: Results and Prospects of Studying Rock Art]. Drevnosti Altaya [Antiquities of Altai]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2003. № 10. Pp. 46–58. (*In Russ.*)

Kubarev V. D. Petroglify Shiveet-Hajrhana (Mongol'skij Altaj) [Petroglyphs of Shiveet-Khajrahan (Mongolian Altai)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2009. 420 p. (*In Russ.*)

Kubarev V. D. Naskal'noe iskusstvo drevnih tyurok Altaya i Zapadnoj Mongolii [Rock Art of the Ancient Turks of Altai and Western Mongolia]. Forum “Idel” — Altaj” [Forum “Idel” — Altai]. Kazan': Foliant; Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2011. Pp. 81–94. (*In Russ.*)

Kubarev V. D., Ceveendorzh D. Rannesrednevekove graffiti Mongol'skogo Altaya [Early Medieval Graffiti of the Mongolian Altai]. Novejshie arheologicheskie i etnograficheskie otkrytiya v Sibiri [Newest Archaeological and Ethnographic Discoveries in Siberia]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1996. Pp. 140–143. (*In Russ.*)

Kubarev V. D., Ceveendorzh D., Yakobson E. Petroglify Shiveet-Hajrhana [Petroglyphs of Shiveet-Khairinan] // Problemy arheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2000. Vol. VI. Pp. 319–323. (*In Russ.*)

Kubarev V. D., Ceveendorzh D., Yakobson E. Petroglify Cagaar-Salaa i Baga-Ojgura (Mongol'skij Altaj) [Petroglyphs of Cagaar-Salaa i Baga-Ojgura (Mongolian Altai)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 640 p.

Kubarev G. V. Rannesrednevekove vsadniki v petroglifakh Shiveet-Hajrhana (Mongol'skij Altaj) [Early Medieval Horsemen in the Petroglyphs of Shiveet-Khairkhan (Mongolian Altai)]. Mir naskal'nogo iskusstva [World of Rock Art]. M. : In-t arheologii RAN, 2005. Pp. 149–153. (*In Russ.*)

Kubarev G. V. Memorial'nyj kompleks drevnetyurkskogo aristokrata iz Hara-Yamaatyn-Gola (Mongol'skij Altaj) [Memorial Complex of an Ancient Turkic Aristocrat from Khara-Yamaatyn-Gol (Mongolian Altai)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novosibirsk State University]. Seriya: Istoriya, filologiya. 2015. Vol. 14. Issue 7: Arheologiya i etnografiya. Pp. 136–150. (*In Russ.*)

Kubarev G. V., Ceveendorzh D. Rannesrednevekoveye petroglify Mongol'skogo Altaya [Early Medieval Petroglyphs of the Mongolian Altai]. Pamyatniki kul'tury drevnih tyurok v Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii [The Sites of the Culture of the Ancient Turks in South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : NGU, 1999. Pp. 157–169. (*In Russ.*)

Muhareva A. N. Syuzhetnye kompozicii epohi rannego srednevekov'ya v izobrazitel'nom iskusstve Sayano-Altaya : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Subject Compositions of the Early Middle Ages in the Fine Arts of the Sayan-Altai: Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Kemerovo, 2007. 23 p. (*In Russ.*)

Muhareva A. N., Munhbayar Ch. B., Suhbaatar B. Naskal'nye izobrazheniya Derstijn hutul v Mongolii [Rock Carvings of Derstein Khutul in Mongolia]. Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanica" [Scientific Notes of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve]. 2018. № 8. Pp. 67–76. (*In Russ.*)

Muhareva A. N., Seregin N. N. Gravirovannye izobrazheniya na plite tyurkskoj ogradki kompleksa Godon-Gol-V (Mongol'skij Altaj) [Engraved Images on the Slab of the Turkic Enclosure of the Godon-Gol-V Complex (Mongol Altai)]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Altai State University]. Ser.: Istoricheskie nauki i arheologiya. 2016. № 2. Pp. 229–235. (*In Russ.*)

Novgorodova E. A. Pamyatniki izobrazitel'nogo iskusstva drevnetyurkskogo vremeni na territorii MNR [The Monuments of Fine Art of Ancient Turkic Times on the Territory of the MNR]. Tyurkologicheskij sbornik. 1977 [Turkological Collection. 1977]. M. : Nauka, 1981a. Pp. 203–218. (*in Russ.*)

Novgorodova E. A. Periodizaciya petroglifov Mongolii [Periodization of Petroglyphs of Mongolia]. Srednyaya Aziya i ee sosedi v drevnosti i srednevekov'e [Central Asia and Its Neighbors in Antiquity and the Middle Ages]. M. : Nauka, 1981b. Pp. 33–41. (*In Russ.*)

Novgorodova E. A. Mir petroglifov Mongolii [The World of Petroglyphs of Mongolia]. M. : Nauka, 1984. 168 p. (*In Russ.*)

Novgorodova E. A., Gorelik M. V. Naskal'nye izobrazheniya tyazhelovooruzhennyh voynov s Mongol'skogo Altaya [Rock Carvings of Heavily Armed Soldiers from the Mongolian Altai]. Drevnij Vostok i antichnyj mir [Ancient East and Antique World]. M. : MGU, 1980. Pp. 101–112. (*In Russ.*)

Ozheredov Yu. I., Ozheredova A. Yu. Voiny Chernoj skaly [The Warriors of the Black Rock]. Izvestiya laboratorii drevnih tehnologij [Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk : IrGTU, 2009. Issues 7. Pp. 149–154. (*In Russ.*)

Okladnikov A. P. Petroglify Mongolii [Petroglyphs of Mongolia]. L. : Nauka, 1981. 228 p (*In Russ.*)

Radlov V. V. Atlas drevnostej Mongolii [Atlas of Antiquities of Mongolia]. SPb. : Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1892. (Trudy Orhonskoj ekspedicii. Vyp. 1. [Proceedings of the Orhinskaya Expedition. Vol. 1]). (*In Russ.*)

Seregin N. N., Muhareva A. N. Osnovnye etapy issledovaniya naskal'nyh risunkov rannego srednevekov'ya na territorii Altaya [The Main Stages of the Study of Rock Paintings of the Early Middle Ages on the Territory of Altai]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015a. Issue XXI. Pp. 184–192. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Muhareva A. N. Istoriya izucheniya petroglifov rannego srednevekov'ya na territorii Altaya [History of the Study of Early Medieval Petroglyphs on the Territory of Altai]. Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [Scientific Review of Sayano-Altai]. 2015b. № 1. Pp. 95–106. (*In Russ.*)

Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Muhareva A. N. Katafraktarii Har-Hada (Mongol'skij Altaj) [Khar-Khada Cataphracts (Mongolian Altai)]. Istoriya i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoj Evrazii [History and Culture of Medieval Peoples of the Steppe Eurasia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2012. Pp. 221–226. (*In Russ.*)

Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Seregin N. N., Muhareva A. N., Iderhangaj T.-O., Munhbayar Ch. Rezul'taty arheologicheskikh issledovanij v Zapadnoj i Central'noj Mongolii v 2014 g. [Results of Archaeological Research in Western and Central Mongolia in 2014]. Teoriya i praktika arheologicheskikh

issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2015. № 2. Pp. 69–92. (*In Russ.*) DOI: 10.14258/tpai(2015)2(12).-06

Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Seregin N. N., Muhareva A. N., Munhbayar Ch. Rezul'taty arheologicheskikh issledovanij na territorii Mongol'skogo Altaya v 2015 g. [Results of Archaeological Research on the Territory of the Mongolian Altai in 2015]. Drevnie kul'tury Mongolii, Bajkal'skoj Sibiri i Severnogo Kitaya [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Krasnoyarsk : SFU, 2016. Pp. 100–106. (*In Russ.*)

Umirbek B. Osnovnye obrazy petroglificheskogo kompleksa Har Magnaj [The Main Images of the Petroglyph Complex Khar Magnai]. Iskusstvo Evrazii [Art of Eurasia]. 2018. № 2. Pp. 33–42. (*In Russ.*)

Umirbek B. Formy tamgovykh znakov na territorii Bayan-Ul'gijskogo ajmaka Mongolii [Forms of Tamga Signs on the Territory of the Bayan-Ul'gi Aimag of Mongolia]. Iskusstvo Evrazii [Art of Eurasia]. 2016. № 2. Pp. 28–44. (*In Russ.*)

Hudyakov Yu. S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii [The Arming of Medieval Nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1986. 268 p. (*In Russ.*)

Cevendorzh D. Mongolyn ertnij urlagijn tuuh (Istoriya drevnego iskusstva Mongolii) [History of Ancient Art of Mongolia]. Ulan-Bator : Gamma, 1999. 317 tal. (*In Mong.*)

Nowgorodowa E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig: E. A. Seemann Verlag, 1980. 280 S. (*In Germ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мухарева Анна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Российская Федерация

Anna Nikolaevna Mukhareva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archaeology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation.

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Российская Федерация

Nikolai Nikolaevich Seregin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of the Altai State University, Barnaul, Russian Federation.

Материал представлен в редколлегию 21.01.2021.

Статья принята в номер 10.02.2021.